

УДК 340.12

**ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИДЕЙ ДВИЖЕНИЯ «НЕСТЯЖАТЕЛЬСТВА»
НА РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ВОИНСКИХ НАКАЗАНИЙ В ПЕРИОД
ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА
(вторая половина XV – первая половина XVI вв.)**

*Егошин Олег Ананьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
правового обеспечения государственного
и муниципального управления ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет», г. Йошкар-Ола.
E-mail: oae03.egoshin@yandex.ru*

В статье исследуются политико-правовые воззрения русских мыслителей «нестяжателей», выступавших против насаждения и применения к служилым людям жестоких наказаний, и их влияние на развитие института воинских наказаний.

Ключевые слова: влияние, «нестяжатели», служилые люди, наказания.

Создание Русского централизованного государства вызывалось всем ходом экономического и социального развития страны. Важное значение имел внешнеполитический фактор – борьба с монголо-татарским игом. Москва становится центром объединения разрозненной Руси в единое Русское государство. В период княжений Ивана III (1462–1505 гг.) и Василия (1505–1533 гг.) произошло преодоление феодальной раздробленности и объединение земель вокруг Московского княжества. Процесс централизации продолжался в течение всего XVI в., в особенности его первой половины.

Непрерывная борьба с врагами требовала и наличия многочисленной и дисциплинированной армии, создание которой началось во второй половине XV в., и в начале XVI в. было сформировано единое войско Московского княжества. В 1535 г. для обеспечения порядка в войске и общего управления был специально создан Разрядный приказ, ведавший воинскими делами, а также делами о наказании.

Во второй половине XV – первой половине XVI вв. происходит активизация политической полемики. Основными темами публицистических споров эпохи образования единого государства и формирования сословно-представительной монархии как формы правления были проблемы, касающиеся происхождения русского государства, родословия его князей, формы организации верховной власти и способов ее реализации, взаимоотношений церкви и государства, а также группа вопросов, связанных с принуждением и наказанием, отправлением правосудия в стране.

Следует подчеркнуть, что нельзя говорить о наличии специального института наказания в отношении военнослужащих применительно к периоду Московского государства, когда еще не существовало регулярной армии, зарождение которой в России (образование солдатских, драгунских и рейтарских полков) относится только к 30–70-м годам XVII века. Вместе с

тем исследование может быть до конца объективным только при полной его основательности, при глубоком и всестороннем изучении рассматриваемого института. Необходима полная картина института в его историческом развитии [1].

Говоря об ответственности служилых людей (ратных людей, воинов) в рассматриваемый период, необходимо иметь в виду, что какого-либо разграничения между преступлением, наказуемым в судебном порядке, и дисциплинарным проступком не существовало. Одно и то же деяние могло повлечь за собой в одном случае смертную казнь, а в другом – выговор или порицание служилому человеку. Поэтому далее термин «наказание» в статье будет использоваться в широком его значении и включать в себя различные виды юридической ответственности.

Однако, если обратить внимание на историю права и государства, то станет очевидно, что даже в самых первых памятниках права (Законы Ману, Законы царя Хаммурапи и др.), можно выделить определенную систему наказаний, хотя авторы этих законов скорее всего не знали такого понятия и не пытались составить строго определенный перечень возможных видов наказаний. Система наказаний существует объективно, независимо от степени ее формальной определенности в источнике специального права и теоретического обоснования в юридической науке. Под системой наказания обычно понимают установленный в законе исчерпывающий и обязательный для судов перечень видов наказаний, расположенных в определенной последовательности с учетом их сравнительной тяжести [2].

Московскому государству (княжеству), несомненно, требовалось единое и дисциплинированное войско, которое было сформировано в начале XVI века. При этом удельные феодалы с их дружинами продолжали смотреть на службу великому Московскому князю не как на обязанность, а как на добровольное

соглашение вассала с сюзереном. В этот период в воинских формированиях продолжали действовать организационные и дисциплинарные отношения, характерные для периода Киевской Руси. Войско (дружина) являлось политической и военной опорой князей, служба считалась добровольной, а дисциплина была своеобразной. При существовавших еще сильных патриархальных отношениях между князем и дружиной последней принадлежало как бы право совета [3].

Не обладая над воинами полной властью, князья нуждались в дополнительных рычагах поддержания единоначалия и дисциплины. Современник, известный политический деятель А. М. Курбский, писал, что Ивану III сопутствовали большие воинские успехи именно потому, что он часто и помногу советовался с мудрыми и мужественными его «сигклитами» (советниками – прим. автора) и ничего не начинал без их глубочайшего и всестороннего совета [4].

Поэтому в указанную эпоху командиры (князья, воеводы, полковые головы) применяли наказания не только «по своему единоличному усмотрению», как считают некоторые современные исследователи (Т. Ю. Сухондяева, Д. В. Дутов, А. Л. Иванов, Д. Н. Кожухарик, Н. Е. Степаненко, Н. А. Петухов, М. А. Кудинов) [5]. Кроме того, к служилым людям применялись наказания, не только «исходя из обычаев военно-уголовного характера», как считают указанные исследователи, но и наказания, уже имевшиеся тогда в общих нормах писаного уголовного права бывших княжеств Русского государства, таких, как Русская Правда (1019–1054 гг.), Двинская уставная грамота 1398 г., Новгородская судная грамота 1440 г., Псковская Судная грамота 1397–1467 гг., Белозерская уставная грамота 1488 г., Запись о душегубстве 1456 г., Белозерская губная грамота 1539 г., Уставная земская грамота волостей Малой Пенежки, Выйской и Суры Двинского уезда 1552 г., Кормленные грамоты XV–XVI веков. Эти акты уже содержали отдельные элементы военно-уголовных наказаний.

Несомненным рычагом поддержания дисциплины в русском войске являлись, по нашему мнению, политико-правовые воззрения русских мыслителей, изложенные ими в философско-правовых работах. Их учения были важным источником влияния на деятельность верховной власти и военачальников различного ранга. Взгляды и мнения мыслителей во многом определяли дальнейшее направление в становлении и развитии института воинских наказаний.

Известно, что с принятием христианства начинает проникать на Русь иностранное право, а вместе с ним и новая система жестоких наказаний: смертная казнь, телесные наказания, болезненные и калечащие (урезание носа, отсечение рук и др.). В первую очередь заимствования происходили из византийского уголовного законодательства (например, титула XVII Эклоги изд. в 726–741 гг. и др.), вобравшего в себя

законы прежней Римской империи, позднее из западноевропейского. Эти тенденции значительно усилились на этапе образования Московского государства.

Во второй половине XV – первой половине XVI вв. борьбу с насаждением в систему отечественного законодательства жестоких и позорящих наказаний активно вели такие просветители, как Н. Сорский и его ученики, М. Грек, Ф. Карпов и ряд других. Они развивали идеи Киевского митрополита Илариона, Владимира Мономаха, Даниила Заточника и других мыслителей домонгольского периода, веривших в силу милости и прощения больше, чем в результат сурового наказания [6].

На политику наказаний в этот период большое влияние оказало движение «нестяжательства». Это движение выступало за добровольный отказ церкви от землевладения, богатств и переход к более бедной и аскетичной жизни. Однако понятие это намного шире и не исчерпывается вопросом только монастырских вотчин.

Противоположная иосифлянская (стяжательская) позиция воинствующих церковников, ставивших церковь выше государства, была представлена И. Волоцким, игуменом Серапионом, архиепископом Новгородским Геннадием, монахом Филофеем и другими.

Основатель доктрины нестяжательства – общественный деятель Нил Сорский (1433–1508). Его взгляды поддерживали и развивали его ученики монах Кирило-Белозерского монастыря Гурий (в миру Тушин), основатель Комельского Спасо-Преображенского монастыря Иннокентий (в миру Охлябинин), инок Васиан Косой (в миру князь В. Патрикеев) и другие.

Н. Сорский и его последователи уделяли внимание и вопросам принуждения и наказания. Они категорически отрицали возможность насилия над свободной волей человека. Полное послушание, указывал Сорский, пагубно для человека, ибо у послушного чужой воле и действующего без рассуждения человека «и доброе на злое бывает». В выборе линии поведения большую роль играют опыт и знания, уважение к которым прослеживается во всех его рассуждениях. Подобные мысли исключают возможность наказания инакомыслящих силами и средствами государства, да еще с применением таких жестоких санкций, как смертная казнь. В «Предании ученикам своим о жителстве скитском» [7], изложив символы веры, Сорский ни словом не обмолвился о казни вероотступников, тем самым поставив в русской политико-правовой мысли вопрос о недопустимости преследования людей с применением смертной казни. С похожими взглядами выступали и его ученики.

Существенный вклад в процесс внедрения и укоренения тюремной практики в отечественную правовую почву был внесен учеником Сорского, духовным и политическим деятелем, князем Васианом Патрикеевым (ок. 1470 – после 1531), который неоднократно

но повторял тезис о том, что нераскаявшихся следует «заточить», а склонных к исправлению принимать на покаяние [8]. Например, в Двинской уставной грамоте косвенно указывалось на заключение лиц, окованных в железа [9]. В период княжения Ивана III (1462–1503 гг.) также известен случай, когда боярские дети, которые, состоя в смоленском походе в войсках, находившихся под начальством сына Великого князя Дмитрия, ходили на «добычу» вопреки его запрещению, за что Великий князь по окончании похода подверг их различным наказаниям, а именно: кнутом и тюремному заключению [10]. При Василии III (1505–1533 гг. правления) в тюрьме умер воевода московский Василий Холмский. Воевода Михаил Глинский с 1514 по 1518 гг. провел в темнице, в 1534 г. он вновь был заключён в темницу, где и умер [11]. Отметим, что на возможность и даже необходимость заточения в темницы указывали и представители «иосифлян».

Интерес к проблемам милости и наказания заметен у видного сторонника идеологии нестяжательства философа М. Грека и близкого ему во взглядах гуманиста Ф. Карпова.

В своих произведениях государственный деятель, публицист Федор Карпов (ум. до 1545 г.) утверждал, что все виды деятельности государства как в судебной, так и в воинской сфере должны осуществляться на основании действующих законов. Категории справедливости и права у Карпова совмещены. Несправедливое и незаконное распределение благ может вызвать серьезное недовольство у подданных. Исходя из этих положений, он выдвигает требование о справедливой оплате труда всех работников, особо выделяя воинские услуги. Соблюдение законов – не только основа благополучия государства, но и нравственная база общественной жизни. Беззаконие Карпов связывает с падением нравственности [12].

Праведная реализация всех форм общественной жизни, писал он, должна осуществляться в сочетании с милостью. Милость не является препятствием в достижении истины и не представляет собой какую-либо форму сокрытия «неправды» (преступления). При применении закона необходимо являть милость, так как правда без милости является «мучительством». Полагаем, что эти взгляды мыслителя были известны Стоглавому собору, на котором в 1551 г. было принято решение освободить к «Пасхе» тюремных сидельцев, осужденных за нетяжкие преступления [13].

Ф. Карпов предлагал добрых подданных беречь своим жалованием и положенной им милостью и побуждать к добродетелям и добрым делам дарами, сладостными и добрыми словами, утешительными речами. Злых же наказаниями делать лучше и угрозами обличать, и от порока к добру царскими напоминаниями приводить, а ненасытных и злых, которые при лечении не хотят становиться лучше и Бога любить, совершенно истребить [14]. «Злые» у Карпова – это

те, кто творит произвол, это представители центральной власти; «добрые» – это те подвластные, которые терпят беззакония от «злых».

По мнению известного деятеля просвещения, философа Максима Грека (ок. 1470–1556), три главные страсти угрожают человеку: «сластолюбие, славолубие и сребролюбие». Поборов эти губительные страсти, необходимо обратиться к трем спасительным добродетелям: правде, целомудрию и кротости [15]. Эти добродетели понимаются Греком не только в моральном плане, но и как гражданские достоинства, как своеобразные принципы законности. Наказание («царская гроза»), по М. Греку, – это устрашение государево, обеспечивающее не «погубление» подданных, а их исправление [16]. Он выделяет три главные формы наказания: 1) согрешивших в законе христианском будут судить по евангельскому закону; 2) согрешивших злыми делами православных людей ожидает очистительный огонь адских мук «прежде Суда»; 3) согрешивших вне Истины, то есть вне веры христианской, ожидает вечная погибель [17].

Мыслитель подчеркивал, что поскольку существует внешняя опасность для государства, необходимо обладать многолюдным воинством, которое управляется воеводами, чиновниками, тысяцкими, сотниками и всегда готово на «противополчение восстающих поганых варвар». К воинам, – говорил он, – необходимо проявлять заботу, награждать их, особенно заботиться о пострадавших в бою, возмещать утраты семьям погибших. Воспитывать у воинов уважение к селянам, к которым войску всегда следует иметь «пощажение и бережение... никогда же насильственным бывши от воинов». Воин должен быть целомудрен и всякими добродетелями украшен [18].

В 1531 г. нестяжатели были осуждены церковным собором, а многие их сторонники казнены или отправлены в ссылку. И в Русской церкви восторжествовала противоположная «иосифлянская» линия, ее влияние на светскую власть все более усиливалось. Однако распространившиеся в стране взгляды нестяжателей на наказание позволяли сохранять чуждое правовому мировоззрению русского народа отношение к смертной казни и другим, жестоким и калечащим наказаниям.

Отметим, что в отличие от Московского государства (княжества) в городах Западной Европы в эту эпоху повсеместно можно было видеть повешенных и сожженных людей, обрубки рук и ног, раздавленные между блоками. Все это делалось среди бела дня и никого это ни удивляло, ни поражало [19]. По французскому же военно-уголовному кодексу (Ордонансу) 1534 г. нарушителей воинского правопорядка подвергали повешению, расстрелу, удушению, четвертованию, сожжению и колесованию. Даже за разговор в строю любой военнотрудовой подвергался прожжению языка, за поджог – сожжению. Армии

многих европейских стран были полны изуродованными, лишенными носов, губ, ушей и других частей тела солдат. В Австрии по Воинским Артикулам 1508 и 1570 гг., а также по Каролине (Уголовно-судебное уложение Карла V) 1533 г., кроме обычных видов казни, предусматривались и изощренные: посаждение на кол, четвертование изуродованного тела, колесование и другие. Более того процедура лишения жизни и исполнения телесных наказаний совершалась в торжественной обстановке. Необходимо указать и на Литовский статут 1529 г. соседнего Литовско-русского государства. В нем также предусматривалась смертная казнь, которая назначалась ратникам за неумелые действия в ходе боя в случае поражения, нарушение дозорной и караульной службы.

Таким образом, очевидно, что политико-правовые воззрения русских мыслителей второй половины XV – первой половины XVI вв. были важным источником влияния на деятельность верховной власти и военачальников различного ранга. Их взгляды во многом определяли дальнейшее направление в становлении института воинских наказаний.

Воззрения «нестяжателей», выступавших за достойное обращение и вознаграждение воинов, против насаждения к ним жестоких наказаний и указывавших на необходимость милости к виновным, не остались без внимания верховной власти. Этим, возможно, объясняется более позднее появление (только с 1658 г.) указов о смертной казни дезертиров и лиц, их укрывавших. С середины XVII века в Русском государстве регулярно стали издаваться и манифесты по поводу прощения виновных.

В отличие от указанных просветителей стяжатели (И. Волоцкий, Филофей и др.) требовали от княжеской власти применения более суровых наказаний в виде физических расправ, казней и заточений. Отображение этих взглядов мы видим в утвержденном Судебнике 1497 года. Вместе с тем распространившиеся в стране взгляды «нестяжателей» на наказание позволяли долгое время сохранять отрицательное отношение к смертной казни и жестоким наказаниям, которые были чужды мировоззрению русского общества.

Литература

1. *Фойницкий И. Я.* Научная разработка истории наказания. Наказание в русском праве XVII в. СПб., 1888. С. 21–22.
2. См.: *Успенский К. Н.* Очерки по истории Византии. М., 1917. Ч. 1. С. 216–218; *Уголовное право: Общая часть: учебник / под ред.: Б. В. Здравомыслова и др.* М.: Юрид. лит., 1994. С. 361–362.
3. *Грибовский В. М.* Древнерусское право: краткий обзор чтений по истории русского права. Выпуск I: Древнейший

земско-княжеский период. Петроград: тип. Двигатель, 1915. С. 65, 71–72.

4. История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. проф. В. С. Нерсесянца. Изд. 2-е. М.: Норма-инфра, 1998. С. 224.

5. См.: *Сухондяева Т. Ю.* Российское военно-уголовное законодательство и его эволюция в период абсолютизма (XVIII – начало XX вв.): историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2006. С. 11; *Нарушения специальных видов военной службы: вопросы уголовной ответственности / Д. В. Дутов, А. Л. Иванов, Д. Н. Кожухарик, Н. Е. Степаненко и др.* // За права военнослужащих. 2007. Вып. 78. С. 87; *Петухов Н. А.* История военных судов России: монография / под ред. В. М. Лебедева. М.: Норма, 2003. С. 43; *Кудинов М. А.* Теоретические и правовые основы уголовной ответственности за преступления против военной службы, совершаемые в военное время и в боевой обстановке: дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М., 2004. С. 18.

6. См.: *Иларион. Слово о законе и благодати / сост. В. Я. Дерягина.* М.: Столица, 1994. С. 87, 110; *Молитва преподобного отца нашего Илариона, митрополита Российского // Синодальный список ГИМ: Синод. собр. № 591. Л. 168–203; Поучение Владимира Мономаха // Литература Древней Руси. СПб., 1997. С. 112–122; Слово Даниила Заточника, еже написал своему князю Ярославу Володимировичю // Златоуструй – Древняя Русь X–XIII веков. М., 1990. С. 238–243.*

7. *Преподобный Нил Сорский.* Предание ученикам своим о жительстве скитском. СПб., 1852. С. 69–166.

8. *Казаква Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 251, 276.

9. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 2. С. 182.

10. Столетие военного министерства (1802–1902): в 13 т. Т. 2. Кн. 1. Ч. 1: Главное военно-судное управление. Исторический очерк. СПб., 1902. С. 4.

11. *Стрыйковский М.* Сказания Курбского и Герберштейн. Варшава, 1846. С. 343–377.

12. История политических и правовых учений. Указ. соч. С. 202.

13. Стоглав // Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 2. С. 241–439.

14. *Дружинин В. Г.* Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI-го века: Послание митрополиту Даниилу Федора Карпова // Летопись занятий Археологической комиссии. СПб., 1909. Вып. 21. С. 106–113.

15. *Громов М.* Максим Грек. М.: Мысль, 1983. С. 9–10.

16. *Максим Грек.* Сочинения. Ч. 2: Нравоучительные сочинения. Казань, 1860. С. 184.

17. Инокса Максима Грека слово на армянское зловерие // Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской Духовной Академии. Часть первая: Догматико-полемическая сочинения. Изд. 2-е. Казань: Типо-литография ун-та, 1894. С. 186–192.

18. История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. проф. В. С. Нерсесянца. 4-е изд. М.: Норма, 2004. С. 234.

19. *Валишевский К.* Иван Грозный. СПб.: Типография Север, 1912. С. 291–292.

**THE IMPACT OF POLITICAL AND LEGAL IDEAS OF THE MOVEMENT «NESTYAZHATELSTVA»
ON THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF MILITARY PUNISHMENTS IN THE PERIOD
OF EDUCATION THE RUSSIAN STATE
(second half of XV – first half XVI centuries)**

The article examines political and legal views of Russian thinkers of the «non-possessors» who opposed spaces and application to serving people cruel punishments and their influence on the development of the Institute of military punishments.

Key words: the influence of the non-possessors, service people, punishment.

EGOSHIN Oleg Ananiyovich – Candidate of legal Sciences, Associate Professor of legal support of state and municipal management of Mari state University, Yoshkar-Ola.
E-mail: oae03.egoshin@yandex.ru

УДК 342.7

**ПОРЯДОК И ОСОБЕННОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ**

Виссаров Анатолий Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры права Чебоксарского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Московский политехнический
университет», г. Чебоксары.
E-mail: vissar21@mail.ru

Нефедова Татьяна Львовна,
магистрант ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет», г. Йошкар-Ола.
E-mail: n.t.l.7@yandex.ru

В данной статье рассматриваются понятие, виды особых (исключительных) правовых режимов, правовая природа ограничения прав граждан при особых правовых режимах, анализируются правовые гарантии от неправомерных ограничений прав и свобод граждан.

Ключевые слова: обычный правовой режим, особые правовые режимы, ограничение прав и свобод человека и гражданина, чрезвычайное положение, военное положение, антитеррористическая операция, пределы ограничения прав, гарантии от неправомерных ограничений прав.

В связи с нестабильной международной обстановкой проблема ограничений прав и свобод человека и гражданина в условиях действия особых правовых режимов относится к числу одной из наиболее актуальных в настоящее время.

Естественная свобода является изначальным и абсолютным явлением, которым человек наделен от рождения и которое заканчивается вместе с его смертью. Вместе с тем она приобретает ограниченный характер вследствие того, что индивид проживает в обществе подобных ему существ, где их интересы и потребности разнятся, порой заходя в глубокие противоречия. В таких условиях, когда каждый будет реализовывать только свою абсолютную свободу, невозможным становится достижение общесоциальных целей, без которых не способно существовать общество, а значит, и сам человек [1]. Поэтому огра-

ниченное состояние свободы человека так же естественно, как и само ее существование.

Конституции большинства стран мира, в том числе и Российской Федерации, устанавливают два режима осуществления государственной власти: обычный или нормальный, действующий в условиях, не связанных с чрезвычайными обстоятельствами (спокойное течение общественной жизни), и исключительный.

Обычный характеризуется отсутствием каких-либо ограничений в правовом регулировании поведения и деятельности граждан и их объединений, кроме тех, которые прямо предусмотрены федеральными законами.

Особый режим предполагает использование в предусмотренном законом порядке жестких ограничений такого поведения и деятельности, распространяемых на всех без исключения пребывающих на